

Взаимосвязь субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте

В.Б. Никишина¹, Е.А. Петраш¹, А.А. Лисичкина¹, И.А. Кучерявенко²

¹ Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия;

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

АННОТАЦИЯ

Обоснование. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, увеличением доли населения пожилого и старческого возраста в структуре общества практически во всех странах мира, с другой стороны — с увеличением количества преступлений в отношении людей пожилого возраста, особенно в сфере мошенничества с использованием телефонной коммуникации.

Цель. Изучение взаимосвязи субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте.

Материалы и методы. Исследование осуществлялось на базе Российского геронтологического научно-клинического центра в три этапа: изучение способности фактического распознавания обмана; изучение субъективной оценки доверчивости; оценка взаимосвязи показателей распознавания обмана и субъективного показателя доверчивости. Объём выборки составил 60 человек: 36 человек пожилого (60–75 лет) и 24 человека старческого (76–90 лет) возраста. Критериями включения в выборку являлись сохранённый нейрокогнитивный статус, отсутствие тяжёлых хронических соматических и психических заболеваний, сохранность функционирования анализаторных систем, отсутствие в анамнезе нарушений мозгового кровообращения. Использовали следующие методы исследования: МоСа-тест; методика Pragmatic Interpretation Short Stories Winner's Task в адаптации Н.И. Колесовой и Е.А. Сергиенко, методика Дембо–Рубинштейн, шкала субъективного ощущения одиночества Д. Расселла, Л. Пепло, М. Фергюсона. Количественную оценку проводили с использованием методов описательной, сравнительной, корреляционной и многомерной статистики.

Результаты. В результате оценки взаимосвязи уровня субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте статистически значимых взаимосвязей не выявлено. Однако процедура факторизации показала, около 40% испытуемых заблуждаются относительно своей способности распознавать обман вне зависимости от фактического уровня распознавания обмана.

Заключение. Лица пожилого и старческого возраста характеризуются схожим уровнем способности к распознаванию обмана. Низкий уровень распознавания обмана указанными возрастными группами обусловлен повышенной доверчивостью и невысокой субъективной оценкой собственных умственных способностей.

Ключевые слова: распознавание обмана; пожилой возраст; старческий возраст; доверчивость; обман.

КАК ЦИТИРОВАТЬ:

Никишина В.Б., Петраш Е.А., Лисичкина А.А., Кучерявенко И.А. Взаимосвязь субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте // Экология человека. 2025. Т. 32, № 10. С. XX–XX. DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco686297> EDN: RZSDPJ

Рукопись поступила: 28.06.2025

Рукопись одобрена: 03.10.2025

Опубликована online: 27.10.2025

Статья доступна по лицензии CC BY-NC-ND 4.0 International License

© Эко-Вектор, 2025

The Relationship Between the Subjective Assessment of Credulity and the Ability to Detect Lie in Old Age and Seniors

Vera B. Nikishina¹, Ekaterina A. Petrash¹, Alyona A. Lisichkina¹, Igor A. Kucheryavenko²

¹ Russian National Research Medical University n.a. N.I. Pirogov, Moscow, Russia;

² Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

ABSTRACT

BACKGROUND: The relevance of the study is due, on the one hand, to the increase in the proportion of elderly and old-age population in the structure of society in almost all countries of the world. On the other hand, to the increase in the number of crimes against elderly people, especially in the area of fraud using telephone communications.

AIM: This study aimed to examine the relationship between subjective trust propensity and deception detection ability in elderly (60-75 years) and senescent (76-90 years) individuals.

METHODS: The study was conducted at the Russian State Scientific and Cultural Center in three stages: studying the ability of actual recognition of deception; studying the subjective assessment of gullibility; assessing the relationship between the indicators of deception recognition and the subjective indicator of trust. The sample size was 60 people: 36 elderly (60-75 years) and 24 old (76-90 years) people. The criteria for inclusion in the study were: preserved neurocognitive status; absence of severe chronic somatic and mental diseases, preserved functioning of the analyzer systems, absence of history of cerebrovascular accidents. The research methods included: MoCa test; modification of the Pragmatic Interpretation Short Stories Winner's Task method adjusted by N.I. Kolesova and E.A. Sergienko; Dembo-Rubinstein method; the Subjective Feeling of Loneliness Scale by D. Russell, L. Peplow, M. Ferguson. Quantitative assessment was carried out using descriptive, comparative, correlational and multivariate statistics.

RESULTS: No statistically significant correlation was found between subjective trust propensity and deception detection ability (Spearman's r , $p < 0.05$). However, factor analysis revealed that approximately 40% of participants demonstrated inaccurate self-perceptions regarding their deception detection capabilities, independent of actual performance levels.

CONCLUSION: Elderly and senile people have a similar level of deception recognition ability. However, it should be noted that with age, the recognition of deception changes more significantly than the understanding of irony. The low level of deception recognition by the specified age groups is ensured by increased credulity and a low subjective assessment of their own mental abilities.

Keywords: lie detection, deception detection, aged, senior, trust, lie.

TO CITE THIS ARTICLE:

Nikishina VB, Petrash EA, Lisichkina AA, Kucheryavenko IA. The Relationship Between the Subjective Assessment of Credulity and the Ability to Detect Lie in Old Age and Seniors. *Ekologiya cheloveka (Human Ecology)*. 2025;32(10):XX-XX. DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco686297> EDN: RZSDPJ

Received: 28.06.2025

Accepted: 03.10.2025

Published online: 27.10.2025

The article can be used under the CC BY-NC-ND 4.0 International License

© Eco-Vector, 2025

ОБОСНОВАНИЕ

В XXI в. происходит увеличение доли населения пожилого и старческого возраста в структуре общества практически во всех странах мира. Если XX в. был ознаменован ростом численности населения, то XXI называют веком старения населения Земли¹. По данным доклада Организации

¹ United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects 2022: Summary of Results. Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/pd/> Дата обращения: 17.04.2025.

Объединенных Наций от 2022 г. «Мировые демографические перспективы», количество людей возрастной группы 65 лет и старше растёт быстрее по сравнению с другими. Согласно прогнозам, к 2050 г. число людей указанной возрастной группы во всём мире будет превышать в два раза число детей до пятилетнего возраста и будет почти равным количеству детей в возрасте до 12 лет. При рассмотрении динамики старения становится видна новая возрастная группа — люди 80 лет и старше. В 2022 г. их доля составила 2%, в 2050 г. прогнозируется около 5%, а к концу XXI в. — около 10% [1].

В последние годы увеличивается количество преступлений в отношении людей пожилого возраста, особенно в сфере мошенничества. По данным МВД России, в 2021 г. около 20% потерпевших в делах о мошенничестве были старше 60 лет², при этом доля таких преступлений в общей структуре правонарушений возросла (2024 г. — 23,4% в сравнении с аналогичным периодом 2023 г. — 21,6%). Значительная часть таких преступлений осуществляется посредством телефонной коммуникации.

Важно отметить, что сенсорные функциональные системы исследуемой возрастной группы формировались вне условий технического воздействия и средств опосредования коммуникации, а именно мобильных устройств, мессенджеров, что, в свою очередь, приводит к затруднениям процесса коммуникации, опосредованного техническими средствами в части высокого уровня доверия.

Закономерные онтогенетические изменения, в том числе и когнитивных функций (таких как память, внимание, гнозис), которые на этапах пожилого и старческого возраста меняют свои характеристики, структуру и механизмы, приводят к большей манипулятивной доступности и, как следствие, снижают на этих основаниях способность к распознаванию обмана.

Распознавание обмана — сложный процесс, требующий способности понимать и интерпретировать собственное психическое состояние и психическое состояние другого человека. В качестве методологического основания нашего исследования выступают положения теории о модели психического состояния (Theory of mind), разработанной Д. Примаком и Г. Вудраффом [2]. Модель психического возникла в рамках когнитивной психологии и представляет собой идею способности человека понимать, интерпретировать, предсказывать поведение других людей на основании их внешних проявлений, мыслей, поведения.

Положения данной теории позволяют соединить понятия психики и ментальной репрезентации, а также семантически обозначить и продемонстрировать их связь с объективным миром. Термин «репрезентация» обозначает внутренние структуры, формирующие представленность, отображение для себя. Понятие ментальных репрезентаций становится центральным не только для когнитивной психологии, но и для психофизиологии, психолингвистики [3].

Авторы Theory of mind в модели психического предложили различать два структурных компонента. Когнитивный («холодный») компонент включает в себя когнитивную обработку мыслей, убеждений, намерений других людей, понимание небуквальных высказываний. Внутри когнитивного компонента различают репрезентации первого и второго порядка. Репрезентации первого порядка представляют собой репрезентацию собственных мыслей индивида, появляющихся путём формирования своей точки зрения («я думаю, что она считает, что...»). Таким образом, мы имеем способность понимать, что другие обладают сознанием, восприятием, отличным от нашего. Репрезентации второго порядка являются более сложными конструкциями глубинных представлений о себе и предполагают принятие одновременно двух точек зрения («он думает, что она думает, что...»), дают нам возможность думать о прошлом, будущем, о том, что не существует, отражать объекты не только в реальности, но и то, какими они могли бы быть, и, что наиболее важно, строить причинные гипотезы. При этом в первую очередь в онтогенезе развиваются репрезентации первого порядка.

Эмоциональный («горячий») компонент модели психического включает в себя понимание чувств, эмоций, аффективных состояний других людей. Следует провести дифференциацию между схожими на первый взгляд понятиями эмпатии и эмоциональным компонентом. Эмпатия подразумевает под собой способность к ощущению и переживанию эмоций, чувств другого человека, при этом не обязательно включает понимание причины, вызвавшей их. В то время как эмоциональный компонент предполагает способность принять точку зрения другого («встать на его место») с истинным пониманием его психического состояния без необходимости сопереживания его эмоциям и чувствам.

² Информационно-правовой портал Гарант.ру. Справочно-правовая система, 1990. Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1654594/> Дата обращения: 15.04.2025.

Модель психического Д. Примака и Г. Вудраффа позволяет рассмотреть когнитивные и эмоциональные составляющие способности к распознаванию обмана и доверчивости. Доверчивость может пониматься как приписывание большей авторитетности чужой репрезентации в сравнении с собственной. Способность понимать обман основана, в первую очередь, на допущении, что другие не только могут, но и хотят ввести в заблуждение собеседника. Распознавание обмана представляет собой сложный процесс, требующий способности понимать и интерпретировать собственное психическое состояние и психическое состояние другого человека. Оно зависит от многих факторов, в том числе от онтогенетически закономерных изменений когнитивных функций, социально-психологических факторов (сужение круга социальных контактов и социального окружения, приводящих к чувству одиночества), а также изменения уровня доверчивости к другим людям. Уровень доверчивости, в свою очередь, определяется, с одной стороны, реализацией потребностей в социальном взаимодействии, с другой — «пониманием» других людей, которое лежит в основе способности к распознаванию обмана).

Изучение распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте, а также факторов, которые с ним взаимосвязаны, является актуальным и необходимым для выявления лиц, составляющих группу риска, максимально подверженных (уязвимых) мошенническим действиям.

Цель исследования. Изучение взаимосвязи субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Общий объём исследовательской выборки составил 60 респондентов: 36 человек (26 женщин и 10 мужчин) пожилого (60–75 лет) возраста, 24 (15 женщин и 9 мужчин) — старческого (76–90 лет). Базой исследования выступил Российский геронтологический научно-клинический центр ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России (Москва). Все испытуемые имели близких родственников (детей, внуков, супругов, братьев/сестер), то есть не являлись одиночками, проживали либо отдельно, либо совместно с родственниками. Все участники исследования предварительно добровольно подписали форму информированного согласия, утверждённую в составе протокола исследования этическим комитетом (этическая комиссия Института клинической психологии и социальной работы ИКПСР ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России, выписка из протокола № 17 от 23.10.2023). Исследование проводилось в период с 01.02.2025 по 15.05.2025. Критерием включения в выборку испытуемых являлся сохранный нейрокогнитивный статус, который оценивали с использованием Монреальской шкалы оценки когнитивных функций — МоСА-тест [4]. В соответствии с критериями включения и исключения в исследовании принимали участие респонденты пожилого и старческого возраста, не имеющие тяжёлых хронических соматических, психических заболеваний и нарушений мозгового кровообращения в анамнезе, обладающие сохранными анализаторными системами и показателями оценки состояния когнитивных функций по шкале МоСА не менее 26 баллов.

Представленное исследование по типу соответствует поперечному (одномоментному).

Организация исследования включала в себя три этапа. На первом этапе решалась задача изучения распознавания обмана с использованием методики Pragmatic Interpretation Short Stories Winner's Task [5] в адаптации Н.И. Колесовой и Е.А. Сергиенко [3], позволяющей оценить фактический уровень способности распознавания обмана. Методика состоит из 10 рассказов двух типов — включающих обман или иронию. Общий объём каждого рассказа составляет примерно 250 слов. В представляемом исследовании методика была сокращена до шести историй из-за нейродинамических особенностей исследуемой возрастной группы. В каждой истории содержится 6 вопросов, типы вопросов представлены в табл. 1. Верный ответ приравнивается к одному баллу, таким образом, максимальный возможный балл в данной методике равен 36.

Каждая история описывает какое-либо событие, что позволяет рассмотреть специфику построенной когнитивной модели. Данная методика адаптирована с учётом возрастной группы, а также культурных особенностей, чтобы истории находили эмоциональный отклик среди людей пожилого возраста (пример представлен на рис. 1).

Стандартная инструкция сообщает, что респонденту будут представлены различные истории, описывающие проступки людей. В ходе прочтения истории будет предложено ответить на ряд вопросов.

В исследовании мы представляли каждую историю в нарративном формате, чтобы в наибольшей степени приблизить ситуацию исследования к обстоятельствам жизни, а именно ситуации, когда

с пожилым человеком пытаются контактировать мошенники с помощью мобильных устройств. Изучение понимания обмана с использованием адаптированной методики Pragmatic Interpretation Short Stories Winner's Task позволяет оценить когнитивный компонент модели психического.

Задачей второго этапа являлась субъективная оценка доверчивости с использованием методики Дембо–Рубинштейн. В соответствии с задачей исследования была использована только одна стандартная шкала — «ум», к которой были добавлены шкалы «доверчивость» и «способность к распознаванию обмана». Добавочные шкалы выступали в качестве маркёров субъективной оценки уровня доверчивости испытуемых и способности идентифицировать обман. Интерпретацию шкал субъективной самооценки изучаемых показателей на качественном уровне осуществляли в соответствии с диапазонами значений методики Дембо–Рубинштейн: 0,0–5,9 (0–59 мм) — низкая; 6,0–7,0 (60–69 мм) — средняя; 7,1–10,0 (71–100 мм) — высокая. Также на данном этапе оценивали субъективные ощущения одиночества, рассматриваемого в контексте представляемого исследования во взаимосвязи с доверчивостью. В связи с этим использовали шкалу субъективного ощущения одиночества (UCLA Loneliness Scale), разработанную в 1978 г. Д. Расселлом, Л. Пепло, М. Фергюсоном.

Задачей третьего этапа являлось изучение взаимосвязи субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте с использованием коэффициента ранговой корреляции (r) Спирмена ($p < 0,05$).

Количественно результаты оценивали с использованием методов описательной статистики (среднее значение, стандартное отклонение, мода, медиана, минимальное и максимальное значения). Сравнительный анализ осуществляли с использованием критерия Колмогорова–Смирнова для оценки нормальности распределения исследуемых признаков, а также непараметрического критерия Манна–Уитни, так как распределение исследуемых признаков не соответствует нормальному. Взаимосвязи исследуемых параметров оценивали методами корреляционной (критерий ранговой корреляции Спирмена) и многомерной статистики (процедура факторного анализа с varimax-вращением). Статистический анализ проводили с использованием пакета прикладных программ Statistica 12.0 (PBCO Software Inc., США) и языка программирования для статистической обработки данных R 4.22.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате изучения распознавания обмана с использованием модифицированной методики Pragmatic Interpretation Short Stories Winner's Task в адаптации Н.И. Колесовой и Е.А. Сергиенко [3] было установлено отсутствие статистически значимых различий показателей распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте. Выявленный показатель соответствует среднему уровню распознавания обмана в обеих возрастных группах. Механизм распознавания обмана содержит в себе два структурных взаимосвязанных элемента: распознавание иронии и распознавание обмана. Средние значения этих показателей в пожилом и старческом возрасте также не имеют значимых различий (рис. 2).

Для выявления различий в исследуемых возрастных группах применяли непараметрический U -критерий Манна–Уитни. Результаты сравнительного анализа показателей распознавания обмана и иронии в пожилом и старческом возрасте представлены в табл. 2.

При сравнительном анализе показателей распознавания обмана людьми в пожилом и старческом возрасте установлено отсутствие статистически значимых различий в данных возрастных группах. Полученные результаты дают основание для объединения исследуемых групп в общую выборку для дальнейшего количественного и качественного анализа взаимосвязи субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте.

При изучении субъективных самооценок доверчивости, включающих показатели самооценки доверчивости, способности распознавания обмана, умственных способностей и одиночества, установлено, что средние значения субъективного и реального уровней способности распознавать обман среди пожилых людей и людей старческого возраста соответствуют высокому уровню. Также высокий уровень выявлен по такому показателю, как субъективная оценка доверчивости (табл. 3).

Выявлено, что для людей старческого и пожилого возрастов характерен средний уровень одиночества и субъективной оценки умственных способностей.

В ходе сравнительного анализа значимых различий исследуемых признаков у лиц старческого и пожилого возраста с разным уровнем способности к распознаванию обмана не выявлено.

В результате решения задачи изучения взаимосвязи уровня субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте при использовании процедуры корреляционного анализа (r -критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,05$) статистически значимых взаимосвязей не выявлено (табл. 4).

Однако выявлена прямо пропорциональная связь средней силы одиночества и возраста ($r=0,303$, $p < 0,05$).

Так как процедура корреляционного анализа не выявила статистически значимых взаимосвязей показателей уровня субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте, было принято решение о проведении факторного анализа с *varimax*-вращением. Данная процедура проводилась по группам респондентов, сформированным по критерию уровня фактического распознавания обмана: группа лиц пожилого и старческого возраста с высоким уровнем распознавания обмана; группа лиц пожилого и старческого возраста с низким уровнем распознавания обмана.

В результате процедуры факторизации в обеих группах лиц пожилого и старческого возраста вне зависимости от уровня распознавания обмана было выделено по четыре фактора (рис. 3).

В группе лиц пожилого и старческого возраста с высоким уровнем распознавания обмана первый фактор с максимальной факторной нагрузкой включает в себя показатели субъективной оценки доверчивости и ощущение одиночества (0,537 и 0,496). Второй фактор представлен показателями субъективного (0,522) и объективного (−0,548) распознавания обмана. Содержание третьего фактора составили показатели распознавания обмана с субъективной оценкой доверчивости и умственных способностей. Четвертый фактор содержательно представлен компонентами субъективной оценки распознавания обмана и ощущения одиночества.

В группе лиц пожилого и старческого возраста с низким уровнем распознавания обмана первый фактор с максимальной факторной нагрузкой включает в себя показатели субъективной оценки доверчивости (0,522), ощущение одиночества и распознавание обмана. Второй фактор представлен показателями субъективной оценки доверчивости и распознавания обмана. Содержание третьего фактора составили показатели субъективной оценки умственных способностей и субъективной оценки распознавания обмана. Четвёртый фактор содержательно представлен компонентами субъективной оценки распознавания обмана и ощущения одиночества.

Первый фактор, обозначенный нами как «я слишком одинок, чтобы не доверять людям», в группах лиц пожилого и старческого возраста с высоким и низким уровнем распознавания обмана содержит показатели субъективной оценки доверчивости и ощущения одиночества. Однако в группе лиц с низким распознаванием обмана, помимо указанных компонентов, в первый фактор входит ещё фактическое распознавание обмана. Полученные данные позволяют подтвердить выдвинутое ранее предположение о том, что низкий уровень распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте связан с высокой доверчивостью и ощущением одиночества.

Второй фактор («я хорошо разбираюсь в людях и понимаю, когда они врут») вне зависимости от уровня распознавания обмана лицами пожилого и старческого возраста включает фактический показатель распознавания обмана, однако в группе с высоким уровнем также в содержание данного фактора входит субъективная оценка распознавания обмана, но с противоположным знаком (что указывает на несоответствие субъективного и объективного уровней распознавания обмана); при низком уровне — субъективная оценка доверчивости, которая, как и в предыдущем факторе, препятствует распознаванию обмана. Высокая уверенность в своих способностях распознавать обман связана с низким уровнем его распознавания, то есть, если человек вполне хорошо распознает обман, он становится уверенным в своей способности и потому ошибается. При низком распознавании обмана человек считает себя доверчивым — и действительно ошибается («научен горьким опытом»).

Третий фактор, названный «я не такой умный, чтобы распознать обман», «все обманывают, я не могу это отследить», в обеих группах включает в себя показатель субъективной оценки умственных способностей. При высоком уровне распознавания обмана в содержание данного фактора также входит субъективная оценка доверчивости и собственно показатель распознавания обмана, в группе лиц пожилого и старческого возраста с низким уровнем распознавания обмана — субъективная оценка распознавания обмана. Придирчивость лиц пожилого и старческого возраста к оценке своих способностей (не доверяет себе, считает доверчивым), может обеспечивать «внимательность к обману и собственно к его распознаванию».

Четвёртый фактор, который можно обозначить как «я не одинок и разбираюсь в людях», в обеих группах лиц пожилого и старческого возраста вне зависимости от уровня распознавания обмана

содержательно представлен компонентами субъективной оценки распознавания обмана и ощущения одиночества. Люди не считают себя одинокими, так как хорошо разбираются в людях и понимают, когда те врут.

ОБСУЖДЕНИЕ

Поведение других людей не полностью предсказуемо, поэтому успех взаимодействия с социальной средой коррелирует со способностью человека расшифровывать ментальные состояния и интенции других. Наличие возрастных изменений в когнитивном (распознавание обмана) и эмоциональном (одиночество, субъективная оценка доверчивости и способности распознавать обман) компонентах модели психического приводит к снижению чувствительности детекции сигналов, которые предупреждали бы о вероятных негативных, опасных действиях со стороны других людей. Этот факт превращает пожилых людей в более уязвимую категорию населения, подвергая их риску стать жертвой социальной эксплуатации, мошенничества, обмана, что приводит к повышенному уровню стресса, эмпатическому дистрессу, трудностям устанавливать дружеские и семейные отношения [6].

В результате проведенного сравнительного анализа показателей распознавания обмана людьми в пожилом и старческом возрасте установлено отсутствие статистически значимых различий в данных возрастных группах, то есть люди пожилого и старческого возраста имеют схожую способность к распознаванию обмана.

Существует тенденция прямой связи уровня распознавания обмана, субъективной оценки доверчивости и обратной — субъективной оценки умственных способностей в пожилом и старческом возрасте. При этом для людей пожилого и старческого возраста с заниженной оценкой своих умственных способностей характерна повышенная доверчивость, что может приводить к социальной дезадаптации и избеганию социальных контактов.

Полученные данные об отсутствии статистически значимых различий распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте не согласуются с рядом зарубежных исследований, показывающих резкое снижение в распознавании обмана людьми старческого возраста в сравнении с пожилыми [7, 8]. В работах А.И. Мелёхина [6] подчёркивается, что люди исследуемых возрастных групп демонстрируют неkritичную доверчивость, что согласуется с полученными нами результатами о том, что 40% лиц пожилого и старческого возраста, принимавших участие в исследовании, ошибаются относительно своей способности к распознаванию обмана.

Наблюдаемая тенденция обратной связи уровня одиночества и субъективной оценки понимания обмана в пожилом и старческом возрасте подчёркивает роль необходимости в социальном взаимодействии. При этом среди людей указанных возрастных периодов преобладает высокий и средний уровень субъективного одиночества.

Ошибкам распознавания обмана в старческом возрасте способствует избыточная уверенность в своём умении распознавать обман.

Уверенность в субъективной оценке способности в распознавании обмана обеспечивается низким уровнем чувства одиночества («все люди братья»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распознавание обмана в пожилом и старческом возрасте не связано с возрастным периодом (о чём указывает отсутствие значимых различий между группами лиц пожилого и старческого возраста). Результаты исследования свидетельствуют об отсутствии статистически значимых различий в способности распознавания обмана в исследуемых возрастных периодах. Фактическая способность к распознаванию обмана не имеет взаимосвязи с субъективной самооценкой способности распознавать обман, доверчивости и умственных способностей. В 40% случаев люди заблуждаются относительно своей способности распознавать обман. Профилактическая работа с пожилыми людьми с целью противодействия мошенническим действиям может строиться на снижении субъективной уверенности в умении распознавать обман (коммуникативные упражнения), поддержке критического мышления («каждый человек может ошибаться»), репрезентации своей доверчивости к посторонним людям как чрезмерной, требующей осторожности.

В качестве ограничения представленной работы следует отметить отсутствие сравнения результатов распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте у мужчин и женщин. Данный аспект представляется перспективным для дальнейших исследований.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Вклад авторов. В.Б. Никишина — планирование исследования, анализ литературы, сбор, анализ, интерпретация данных, подготовка и редактирование финального варианта рукописи; Е.А. Петраш — планирование исследования, анализ литературы, сбор, анализ, интерпретация данных, подготовка текста рукописи; А.А. Лисичкина — планирование исследования, анализ литературы, сбор, анализ, интерпретация эмпирических данных, подготовка текста рукописи; И.А. Кучерявенко — планирование исследования, анализ литературы, сбор, анализ, интерпретация эмпирических данных, подготовка текста рукописи. Все авторы одобрили рукопись (версию для публикации), а также согласились нести ответственность за все аспекты работы, гарантируя надлежащее рассмотрение и решение вопросов, связанных с точностью и добросовестностью любой её части.

Этическая экспертиза. Проведение исследования одобрено локальным этическим комитетом Института клинической психологии и социальной работы ИКПСР ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России (протокол № 17 от 23.10.2023).

Согласие на публикацию. Все участники исследования добровольно подписали форму информированного согласия до включения в исследование.

Источники финансирования. Отсутствуют.

Раскрытие интересов. Авторы заявляют об отсутствии отношений, деятельности и интересов за последние три года, связанных с третьими лицами (коммерческими и некоммерческими), интересы которых могут быть затронуты содержанием статьи.

Оригинальность. При создании настоящей работы авторы не использовали ранее опубликованные сведения (текст, иллюстрации, данные).

Доступ к данным. Редакционная политика в отношении совместного использования данных к настоящей работе не применима, новые данные не собирали и не создавали.

Генеративный искусственный интеллект. При создании настоящей статьи технологии генеративного искусственного интеллекта не использовали.

Рассмотрение и рецензирование. Настоящая работа подана в журнал в инициативном порядке и рассмотрена по обычной процедуре. В рецензировании участвовали два внешних рецензента, член редакционной коллегии и научный редактор издания.

ADDITIONAL INFORMATION

Author contributions: V.B. Nikishina: research planning, literature review, data collection, analysis, and interpretation, preparation and editing of the final manuscript; E.A. Petrash: research planning, literature review, data collection, analysis, and interpretation, manuscript drafting; A.A. Lisichkina: research planning, literature review, collection, analysis, and interpretation of empirical data, manuscript drafting; I.A. Kucheryavenko: research planning, literature review, collection, analysis, and interpretation of empirical data, manuscript drafting. All authors approved the manuscript (the version for publication), and also agreed to be accountable for all aspects of the work, ensuring proper consideration and resolution of questions related to the accuracy and integrity of any part of it.

Ethics approval: The study was approved by the local Ethical Committee of the Institute of Clinical Psychology and Social Work of the ICPSR of the Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Protocol No. 17 dated 10/23/2023).

Consent for publication: All participants provided written informed consent prior to inclusion in the study.

Funding sources: No funding.

Disclosure of interests: The authors have no relationships, activities, or interests for the last three years related to for-profit or not-for-profit third parties whose interests may be affected by the content of the article.

Statement of originality: No previously published material (text, images, or data) was used in this work.

Data availability statement: The editorial policy regarding data sharing does not apply to this work, as no new data was collected or created.

Generative AI: No generative artificial intelligence technologies were used to prepare this article.

Provenance and peer review: This paper was submitted unsolicited and reviewed following the standard procedure. The peer review process involved two external reviewers, a member of the editorial board, and the in-house scientific editor.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ | REFERENCES

1. Kalabikhina IE, Kalmykova NM, Denisov BP, et al. *Demography: an electronic textbook*. Moscow: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; 2022. 560 p. (In Russ.) URL: <https://books.econ.msu.ru/Demography/>
2. Premack D, Woodruff G. Does the chimpanzee have a theory of mind? *Behavioral and Brain Sciences*. 1978;1(4):515–526. doi: 10.1017/s0140525x00076512
3. Sergienko EA, Ulanova AY, Lebedeva EI. *Model of the mental: Structure and dynamics*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2020. 503 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-9270-0420-1
4. Nasreddine ZS, Phillips NA, Bédirian V, et al. The montreal cognitive assessment, MoCA: a brief screening tool for mild cognitive impairment. *J Am Geriatr Soc*. 2005;53(4):695–699. doi: 10.1111/j.1532-5415.2005.53221.x
5. Winner E, Leekam S, Brownell H, et al. Distinguishing lies from jokes: theory of mind deficits and discourse interpretation in right hemisphere brain-damaged patients. *Brain Lang*. 1998;62(1):89–106. doi: 10.1006/brln.1997.1889
6. Melehin AI. Specificity of understanding of deception at presenile and senile age. *Psychology and Law*. 2019;9(4):187–210. doi: 10.17759/psylaw.2019090414 EDN: KVVCSA
7. Bottiroli S, Cavallini E, Ceccato I, et al. Theory of mind in aging: comparing cognitive and affective components in the faux pas test. *Arch Gerontol Geriatr*. 2016;62:152–162. doi: 10.1016/j.archger.2015.09.009
8. Bernstein DM, Coolin A, Fischer AL, et al. False-belief reasoning from 3 to 92 years of age. *PLoS One*. 2017;12(9):e0185345. doi: 10.1371/journal.pone.0185345

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFO

Никишина Вера Борисовна , д-р психол. наук, профессор; ORCID: 0000-0003-2421-3652; eLibrary SPIN: 6779-0519; e-mail: nikishina_vb@rsmu.ru	Vera B. Nikishina , Dr. Sci. (Psychology), Professor; ORCID: 0000-0003-2421-3652; eLibrary SPIN: 6779-0519; e-mail: nikishina_vb@rsmu.ru
Петраш Екатерина Анатольевна , д-р психол. наук, доцент; ORCID: 0000-0002-3177-088X; eLibrary SPIN: 2313-1089; e-mail: petrash@mail.ru	Ekaterina A. Petrash , Dr. Sci. (Psychology), Assistant Professor; ORCID: 0000-0002-3177-088X; eLibrary SPIN: 2313-1089; e-mail: petrash@mail.ru
Лисичкина Алена Алексеевна* ; ORCID: 0009-0000-8276-0940; eLibrary SPIN: 1720-9044; e-mail: liss_alyna@mail.ru	Alyona A. Lisichkina* ; ORCID: 0009-0000-8276-0940; eLibrary SPIN: 1720-9044; e-mail: liss_alyna@mail.ru
Кучерявенко Игорь Анатольевич , канд. психол. наук, доцент; ORCID: 0000-0002-0226-0389; eLibrary SPIN: 9220-1544; e-mail: kucheryavenko@bsuedu.ru	Igor A. Kucheryavenko , Cand. Sci. (Psychology), Assistant Professor; ORCID: 0000-0002-0226-0389; eLibrary SPIN: 9220-1544; e-mail: kucheryavenko@bsuedu.ru

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1. Типы вопросов в тесте оценки способности прагматической интерпретации жизненных обстоятельств

Table 1. Types of questions in the test for assessing the ability of pragmatic interpretation of life circumstances

1-й вопрос	Съел ли Андрей печенье?	Фактический вопрос. Задается, чтобы утвердиться, что респондент понимает сюжет, запоминает и сохраняет в памяти определенное количество информации, а также чтобы имел возможность понять в конце рассказа, что последнее утверждение героя рассказа ложно
------------	-------------------------	--

2-й вопрос	Поняла ли Анастасия, что её супруг не сдержался и ел печенье?	Вопрос на понимание психического состояния первого порядка. Требует от респондента понимания психического состояния героя рассказа, а именно, знает ли он правду об обманном проступке другого персонажа
3-й вопрос	Что ответил Андрей?	Вопрос на понимание психического состояния второго порядка. Требует от респондента понимания репрезентации психического состояния множества людей одновременно — представления о знаниях героя рассказа относительно знаний обманутого персонажа
4-й вопрос	Понимал ли Андрей, что сказанное им правда?	Уточняющий вопрос второго порядка. Задаётся респонденту в случае неверного ответа на предыдущий вопрос, так как ответ может варьировать в зависимости от того, каким образом респондент характеризует персонажей, при этом понимание репрезентаций второго порядка может оставаться интактным. При верном ответе на данный вопрос предыдущий ответ засчитывается как верный
5-й вопрос	Когда Андрей дал такой ответ, думал ли он, что жена поверит ему?	Вопрос ожидания. Оценивает рассуждения испытуемого о понимании репрезентаций второго порядка у героя-лжеца после того, как он услышал историю целиком
6-й вопрос	Когда Андрей ответил, что сегодня он не съел ничего, что могло бы повредить его здоровью, он: соврал, чтобы не быть пойманным или хотел отшутиться, чтобы скрыть свою неловкость?	Вопрос на понимание обмана. Оценивает способность интегрировать всю информацию из истории и определить, различает ли испытуемый шуточные и обманчивые, заведомо ложные высказывания

Таблица 2. Анализ различий показателей распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте при помощи критерия Манна–Уитни

Table 2. Analysis of differences in deception recognition rates in the elderly and old age using the Mann–Whitney test

Исследуемые показатели	Медиана		U-критерий Манна–Уитни	p-уровень
	Пожилой возраст	Старческий возраст		
Общий уровень распознавания обмана	28	28	286,0	0,725
Распознавание обмана	14,5	13,5	306,5	0,985
Распознавание иронии	14,5	14,5	263,0	0,437

Примечание. p — уровень значимости для критерия Манна–Уитни.

Таблица 3. Результаты анализа показателей субъективной самооценки и уровня одиночества у людей в пожилом и старческом возрасте с применением первичных описательных статистик

Table 3. Results of the analysis of indicators of subjective self-esteem and level of loneliness in elderly and old people using primary descriptive statistics

Показатель	Среднее	Стандартное отклонение	Мода	Медиана	Минимум	Максимум
Субъективная оценка умственных способностей	6,97	1,54	7	7	4	10
Субъективная оценка доверчивости	7,03	2,55	8	8	0	10
Субъективная оценка способности распознавать обмана	7,38	1,85	7	7,5	0	10
Одиночество	33,83	6,78	32	32	24	57

Таблица 4. Связь между способностью распознавать обман, одиночеством и возрастом

Table 4. Relationship between the ability to recognize deception, loneliness and age

Показатель	Корреляция	Возраст	Одиночество	Способность распознавать обман
Субъективная оценка способности распознавать обман	Коэффициент корреляции	−0,076	−0,072	−0,157
	Значимость	0,566	0,584	0,229
Субъективная оценка доверчивости	Коэффициент корреляции	−0,137	0,047	−0,126
	Значимость	0,296	0,719	0,337
Субъективная оценка умственных способностей	Коэффициент корреляции	0,038	−0,198	0,213
	Значимость	0,774	0,129	0,102
Способность распознавать обман	Коэффициент корреляции	−0,067	−0,216	1,000
	Значимость	0,613	0,098	—

РИСУНКИ

История 2

Анастасия испекла печенье для школьной ярмарки дочки и попросила своего мужа, Андрея, не есть ни одного, так как ему необходимо соблюдать строгую диету. Анастасия вышла на прогулку с собакой. В это время со школы вернулась их дочь Лиза. Андрей был голоден, он не смог сдержаться, и пока дочка мыла руки, стал есть печенье.

1. Съел ли Андрей печенье? Да/нет

В это время Анастасия вернулась домой, так как на улице оказалось холодно, и увидела, что Андрей ест печенье для ярмарки дочери.

2. Поняла ли Анастасия, что ее супруг не сдержался и ел печенье? Да/Нет

На кухне она рассерженно взглянула на своего мужа, державшего в одной руке половину печенья, и вышла. В это время на кухню зашла Лиза и спросила папу: «Зачем ты съел мои печенье для школьной ярмарки? Что нам скажет мама?»

3. Что ответил Андрей?
А) мама видела, но они были такие вкусные, что нам придется попросить ее испечь еще
В) мама не знает, что я их съел, а мы с тобой купим печенье в магазине завтра перед школой

4. Понимал ли Андрей, что сказанное им правда? Да/Нет

Анастасия вернулась на кухню и спросила супруга: «Как тяжело ему было сегодня придерживаться строгой диеты?». Он ответил, что сегодня он не съел ничего, что могло бы повредить его здоровью.

5. Когда Андрей дал такой ответ, думал ли, что жена поверит ему? Да/Нет

6. Когда Андрей ответил, что сегодня он не съел ничего, что могло бы повредить его здоровью, он:

А) Соврал, чтобы не быть пойманным
Б) Хотел отшутиться, чтобы скрыть свою неловкость и сгладить ситуацию

Рис. 1. Пример истории на распознавание обмана из теста прагматической интерпретации жизненных событий E Winner с соавт. [5] в адаптации Н.И. Колесовой и Е.А. Сергиенко.

Fig. 1. Example of a story for recognizing deception of the method from the test of pragmatic interpretation of life events by E. Winner adjusted by N.I. Kolesova and E.A. Sergienko.

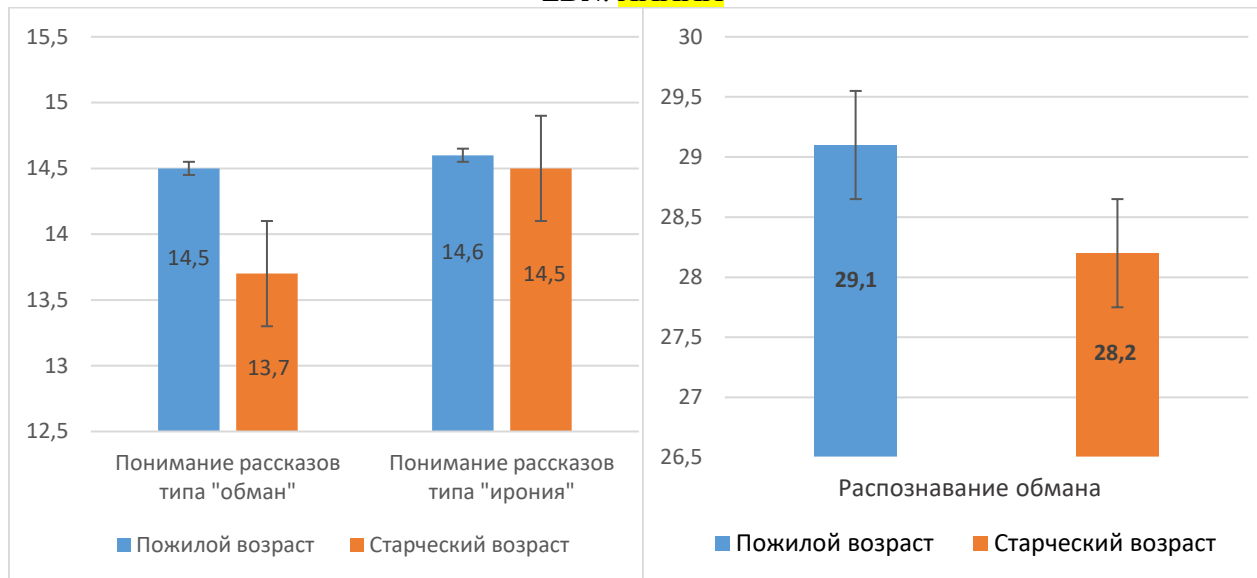

Рис. 2. Гистограмма средних значений показателей обмана и иронии и показателей распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте

Fig. 2. Histogram of average values of deception and irony indicators in old and senior age.

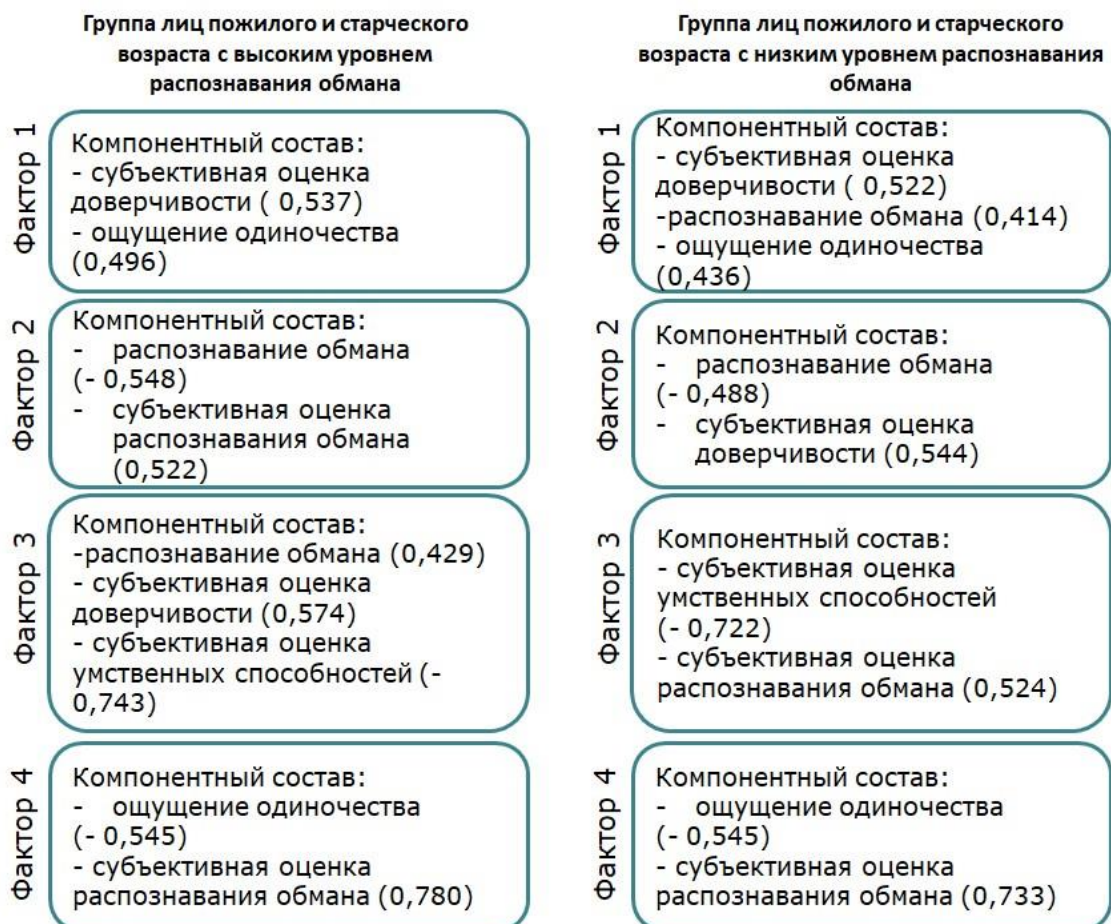

Рис. 3. Факторная структура взаимосвязи показателей уровня субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте с учётом уровня фактического распознавания обмана.

Fig. 3. Factor structure of the relationship between the indicators of the level of subjective assessment of gullibility and the ability to recognize deception in old and senior age, taking into account the level of recognition of deception.

Accepted for publication